

ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО. НАУКА.

№ 9.

Приложение к газете „Звезда“

ИЛЬЯ САДОФЬЕВ.

Поэт Владимир Кириллов.

Владимир Кириллов—один из тех немногих пролетарских поэтов, которые вместе с последними их рабочими классом прошли и преодолели длинный голгофский путь от бесчеловечного рабства к своему обождению... один из тех немногих родных, кровных детей пролетариата, рожденных коллективным напряжением творческо-освободительной воли в эпоху длительной кровавой борьбы против неслыханной тирании разжигавшей буржуазии.

Пролетарскими писателями сейчас именуются очень многие. Пролетарским писателем сейчас быть каждому лестно и... выгодно. Особенно видно это развязным и юрким, но по существу чуждым пролетарской классовой идеологии, либо они талантливо используют это почетное звание. Еще вчера сотрудничая в жертвах журнальчиках, пионерски артистические стихи в гордясь своим первородством—серой гимнографической или больше университетской шинелью, сегодня прекрасные свои рязи в розовый цвет и забыв о философии Розанова—Булгакова, крикливо именуют себя архи-пролетариями и архи-пролетарскими писателями.

Таковыми сейчас, говоря откровенно, хоть пруд пруди. Таких же, как Кириллов, осталось незначительное количество. Годы подполья, тюрем, ссылок, империалистической и гражданская войн много унесли молодых, истинных, талантливых... Больше чем на половину обезглавили этот авангард пролетарской литературы.

И невольно хочется крикнуть дымом окраинам: Оберегайте уцелевших и готовьте надежную смену!

Великое значение этих немногих заключается не только в том, что они—плоть от плоти и кость от кости рабочего класса, что они прошли тот же крестный путь борьбы, но и в том, что воспели, запечатлевши этот путь, что они и только они являются и являются единственными настоящими выразителями всех переживаний, всех чаяний и всех достижений пролетариата, что они, не в пример юрким, переживая, быть может, большие лишения, чем сами рабочие, и несмотря на все соблазны горькие испытания, еще плотнее смыкают свое ради, еще прочнее cementируют свою кровную и нераз-

рывную связь с породившим их рабочим классом.

Пример на Кириллова. Но надо оговориться, что в настоящий момент мы можем остановиться, и бегло, лишь на некоторых этапах его жизни и творчества. Подробное же исследование его литературно-биографического пути может уложиться лишь в большую книгу.

Родился Кириллов в 1891 году, "образование" получил, скитаясь по белу свету" то служкой, то юнгой на торговых кораблях. Шестнадцать лет примирился к революционному движению, за что професия ему жестокая расправа царской жандармерии, от которой отдалась бегством. Позже поступил на фабрику, во сквере был избран за "крамольную агитацию", кочевал по окрестам Петрограда с труппой бродячих музыкантов. С этого примерно времени начал писать стихи. За год до войны поступает он на один из петроградских заводов и печатает свои революционные стихотворения в "Правде". Положение рабочего было настолько тяжелым и почти безысходным, что заставляло поэта приходить в такие мрачные выводы:

„О лучше бы разбить
О камни головы...“

Когда началась война, когда все буржуазные "поэты-эстеты", захлебываясь от напыщенных патристических воинствующих чувств", писали "Сретенье пары", заполняли страницы суворинского "Лукоморья", поэт Кириллов, верный мировоззрению своего класса, проклиная вдохновителей этой войны, так выражал свое отношение к "серой скотинке":

„Где-то недалеко,
Под япон орудий лязгается кровь...“

Как этой боевой умножаются и человеческие стягнутые стремления, и человеческая любовь. А в серой шинели "враг" такой же:

„Быть может брат мой," может друг нечастный
Засыпал яснокою холодаю землю...“

Вскоре поэт за свою революционную работу попадает в тюрьму, а на тюрьму—в ссылку...

С революцией 1917 года началась самая напряженная, самая горячая работа. Секретарство в Московско-Заставском райкоме, выступление на рабочих собраниях, работа в районной думе, сотрудничество в рабочей печати и особенно плодотворная работа в быту. Народном доме граф,

Паниной, где в это время легально организовалось "Общество пролетарских писателей", где родился первый пролетарский журнал "Грядущее". Созданию журнала много способствовал и материально, и морально Московско-Заставский райком. Кириллов же был одним из активнейших организаторов этого журнала.

С этого периода начинается и самый яркий расцвет его творчества. В первом номере было напечатано его стихотворение "Пролетариат". А какой пейзаж, какая вера в творческую силу рабочего класса!

«О, многоголосый владыка мира,
Чья вера—разум, чья сила—труд,
Все грязь сердца, все струны лиры
Моей певучей,
Тебе, могучий,
Песни юют...»

Много появлялось молодых поэтов, но их восторженные творенья являются поистине жалким лепетом перед поэзией этого поколения.

В следующих номерах "Грядущего" были напечатаны его всем известные стихотворения "Мы" и "Железный Мессия", в которых он впервые в пролетарской литературе, как и еще один его собрат по перу, установил индустриальные ритмы стиха.

В 1918 году Кириллов работает в Пролеткульте секретарем журнала, являясь членом совета Пролеткульта. В конце года выпустил в издании Пролеткульта свою первую книжку стихов "Зори Грядущего", создавшую ему широкую и громкую известность. Стихи Кириллова переведены на многие языки, цитированы в многочисленных статьях литературных критиков, поэтому мы их здесь не приводим, ибо уверены, что они читателю достаточно известны.

В конце того же года снова начинается первый кочевья: тамбовский Пролеткульт, южный фронт, отражение разбойниччьего написка мамонтовских полчищ и "зеленых" бандитских шашек. В девятнадцатом году побывал и на восточном фронте.

И лишь с двадцатого года поэт живет и работает в Москве, целясь в настоящее время председателем всесоюзной ассоциации пролетарских писателей.

За эти последние четыре года Кирилловым написано много в высшей степени значительных произведений, показывающих быстрый рост поэта и его неразрывность с пролетариатом, которые на днях выходят в издательстве "Кузница" книга "Открытие".

Потом он немного успокаивается, выходит в сад вместе с педагогичкой. Мальчишки облепляли его комарами и громко заявляли, что у них животы сильно поднялись, что дальше они терпеть не могут.

— Да где же?—с тоской спрашивала педагогичка.

— Да где придется—сердито отвечал Василий Иваныч.—В сарае, в коморе, в целе под открытым небом... чорт возьми! Должны были спросить меня, а потом уж волочить новичков.

Потом он немного успокаивается, выходит в сад вместе с педагогичкой. Мальчишки облепляли его комарами и громко заявляли, что у них животы сильно поднялись, что дальше они терпеть не могут.

— Нет у меня ничего! — опять вспыхивал порохом Василий Иваныч, — кушайте траву или кору. Все тут в обрез... В отделе с умы соплы...

Педагогичка жалела Василия Иваныча замечание: при детях говорить о расприах среди взрослых—совершенно не педагогично...

— К черту все педагогики,—кричал на это Василий Иваныч.—Ида прежде всего, а потом уж педагогика.

На короткое время он задумался. Смотрел свирепым взглядом в зеленую землю—и внезапно высоко вскинул голову.

— Лаврентий!—вдруг орал он совсем уж диким голосом.— В три секунды—брюху! Лаврентий!

Кучер Лаврентий вовсе и не думал в этот день сидеть в город, и говорила, что она тут ни при чем, что ее только что наняли на службу, и что она от такого приема готова убежать...

— Бежать?... — воскликнул ярким голосом Василий Иваныч.—Куда бежать? И как вы смеете говорить такое. Вы поступили—и должны работать. Еся эта компания,—он ука-

Плакай, Гляжу:
„Вечер поэзии“.
Вхожу.
Стены более магнезии.
На стенах портреты—

Поэты!
На эстраде
Томет в каскаде
Слов
Повестса.
Слов чинные,
Как институтки:
Треля соловьевые,
Любовь,
Назабудки,
Тропы закаванные
И

Шопот леса.
Тропы закаванные
И шопот леса
Раскрыты, размазаны,
Как повестса
Утончено.

Конечно.
Повестсу сменяет поэт.
О мечом во взоре
Гремит
Сорок минут.
Тут:

Волны моря,
Скал гранит,
Вольности скрижали,
Отблески пожара,
Сверкающие дали

И
Гром удара.
И вольности скрижали,
И отблески пожара
Словно сбражали
С витринами Дацциара.

Конец! Глаза в глаза впились—

И вот
Тысячегубый рот
Кричит поэту: бис!
Поэт стал вежним.
Поэт

О счастливе безмятежном.
О Нине
Зеет балладу.

Нина—
Богиня
Элады.
Нина—
Афины
Паллада.

Рисуйте кисти!
Грезят богиня
При лунном свете
Под шопот листьев
О поэте.
Деревья с косами,
Одеты скромно.
Луна причесана
И смотрят томно.
Конец баллады.
Другой поэт
С осанкой лорда
Бросает гордо
Слова с эстрады.
О славе он
Не беспокоятся
Весь мир
Возьмет он в плен.
Шекспир
Ему до пояса,
А Пушкин—
До колен.
Он новых форм
Творец!
Для старых форм.
Пожар!
конец!

Зажгли меня—горю.
Я вышел на бульвар,
Смотрю...

О, каждый, каждый забесится
Не вынесет звона:
ди голове у месяца
Косого нет пробора!

О, строй наш шаток:
Кему поэзия, к кому науки?
Деревьев руки
Без перчаток!

**

Все так печально
Сквозь деревя верхушки,
Как покрывало,
Бездарный Пушкин
Глядел нахально
С пьедестала.

**

А впереди
Глумясь над нами,
Над позором,
Трамвай звонками
Бесценко звякал.
И на груди
Зabora
Я заплакал.

**

Все так печально
Сквозь деревя верхушки,
Как покрывало,
Бездарный Пушкин
Глядел нахально
С пьедестала.

**

А впереди
Глумясь над нами,
Над позором,
Трамвай звонками
Бесценко звякал.
И на груди
Зabora
Я заплакал.

**

Все так печально
Сквозь деревя верхушки,
Как покрывало,
Бездарный Пушкин
Глядел нахально
С пьедестала.

**

Все так печально
Сквозь деревя верхушки,
Как покрывало,
Бездарный Пушкин
Глядел нахально
С пьедестала.

**

Все так печально
Сквозь деревя верхушки,
Как покрывало,
Бездарный Пушкин
Глядел нахально
С пьедестала.

**

Все так печально
Сквозь деревя верхушки,
Как покрывало,
Бездарный Пушкин
Глядел нахально
С пьедестала.

**

Все так печально
Сквозь деревя верхушки,
Как покрывало,
Бездарный Пушкин
Глядел нахально
С пьедестала.

**

Все так печально
Сквозь деревя верхушки,
Как покрывало,
Бездарный Пушкин
Глядел нахально
С пьедестала.

**

Все так печально
Сквозь деревя верхушки,
Как покрывало,
Бездарный Пушкин
Глядел нахально
С пьедестала.

**

Все так печально
Сквозь деревя верхушки,
Как покрывало,
Бездарный Пушкин
Глядел нахально
С пьедестала.

**

№ 9.

А. Н. АРТЕМ.

Вечер поэзии.

Л. ГРИГОРОВ.

Василий Иванович.

Педагог Василий Иваныч считал себя крепким и непоколебимым меньшевиком.

Но когда он поступил на советскую службу, с ним что то случилось: он заработал так, что самые энергичные большевики смотрели на него с изумлением.

По мягкости своего характера Василий Иваныч пошел работать в сердобольное социальное обеспечение. Василий Иваныч занял пост организатора детских трудовых колоний.

Еще весна не взорвала все почки на деревьях, а яркая—яркая малень—трава только что выпустила пижамные стебельки,—по широкой лачной дороге, к вечно беспокойному Черному морю потянулись понозки с незатейливой спиральной мебелью, а за ними, под звуки нестерпимо трескучего собственного оркестра, двинулись толпы быстро ногами. Она бледнела, быстро мигала глазами и, прижимая руки к полновесной груди, говорила, что она тут ни при чем, что ее только что наняли на службу, и что она от такого приема готова убежать...

— Всё для детей!.. громко заявлял Василий Иваныч.—Не на словах, а на деле!

Социальное обеспечение не дремало. Оно собирало по городу толпы сирот и полу-сирот и направляло их в колонии Василия Иваныча.—Нет словах, а на деле!

Социальное обеспечение не дремало. Оно собирало по городу толпы сирот и полу-сирот и направляло их в колонии Василия Иваныча.—Нет словах, а на деле!

Лаврентий сложился прородой. Услыша неистовый крик заведывающего колонией, Лаврентий сначала делал вид, что ничего не слышит. Когда Василий Иваныч в десятый раз прокричал его имя, он зашелся в смехе, стал ерзать всей пятнадцати лет шершавому затылку, сдавнув на бок фальшивую, каракулевую шапку, потом—черпнул ее

У Синклер.

В. ФРИЧЕ.

У. Синклер принадлежит к тому же, что и писателю — его замечательны и бойкотировали. Когда датский критик Брандес — европейский авторитет в бытность свою в Америке называл тремя величайшими американскими писателями Франка Норриса, Джека Лондона и Уильяма Синклера, то американские газеты упомянули в своих отчетах только первых двух, а когда Синклер закончил свой роман „Угольный король“ — картины эксплуатации шахтеров — то ни одно из издательств не хотело напечатать книгу, и автору самому пришлось ее издать на скверной оберточной бумаге. Но слово писателя могущество расписи заговора капиталистов и их лжей; как этот, так и все прочие романы Синклера во множестве изданы пробили себе дорогу к читателю, и царство „Дельцов“, пытающееся его замолчать в уничтожить, будет вечно жить на страницах этих горючих областей, как царства мешаников, негодяев, обманщиков и варваров.

Очень часто Синклер и совсем бросал в сторону перо, чтобы вымешаться в самую гущу жизни. То мы находим его рабочим на консервных фабриках Чикаго, или на стекольных заводах в Южном Джерси, или на стальных заводах Олдсона, где он непосредственно наблюдает быт рабочих, присматривается к их чудовищному бесприютству; то мы встречаем его на митингах оратором где-нибудь в Питерсве, где разыгралась стачка рабочих шелковых мастерских; то он бросается в борьбу с могущественной „Ассоциацией Прессы“, монополизированной газетную информацию. Фальсифицирующей в угоду капиталистам события; то он подает президенту Вильсону жалобы на губернаторов, держащих сторону хозяев против рабочих, то агитирует за государственное страхование и т. д.

Так непосредственно участвуя в самом быте жизни, Синклер накапливает огромное количество живых и ярких впечатлений, которые легли в основу как его часто публических, так и его беллетристических произведений, всегда одновременно привлекающих и одновременно обличительных.

Этот обличительный характер романов Синклера обеспечил за некоторыми из них баснословный успех. Когда он недавно еще безвестный репортер — издал свой первый роман „Джунгль“, где на фоне картины вещественной эксплуатации американских (иностранных) производственных единиц, так „из множества прошлых социальных и политических впечатлений возникли американские штаты“.

Цем была и чем стала американская демократия, лучше всего характеризует следующая сцена в одном из романов Синклера.

В Нью-Йорке митинг. Всюду масса шинок. Один из ораторов воскликнул:

„Когда правительство нарушает эти условия, народ вправе его сместить или уничтожить и поставить новое правительство, организованное таким образом, чтобы оно поддерживало принципы, необходимые для счастья и безопасности народа!“ На меру рьяных смычек бросает ся на аистру и вспыхивает арестовать оратора. Кто же его уничтожение, когда в участке он говаривал, что оратор цитировал просто параграф американской конституции?

Из всех созданных Синклером фигур две безусловно переживают его на многие и многие годы.

Эти две фигуры — два Джимми Хиггинса. Один белый, другой красный. Кто такое Джимми Хиггинс?

Этим именем американские социалисты называют свою первую борьбу — было на углах у всех.

Когда потом американская буржуазия должна была понять, что в лице Синклера против нее стоит непременный враг, она постановила расправиться с ним раз и навсегда.

Но только газеты пользовались всяческим случаем опровергнуть его книгу (в автобиографической части своей книги „Медная марка“ Синклер приводит не мало таких случаев злостной травли), прибегали к еще более действительному и грозному средству, кутежам, кроватям...

Лицо Синклера недавно был арестован за аналогичный проступок.

Лицо Синклера недавно был арестован за аналогичный проступок.